

Я взяла корзину, сразу же достала финик и попробовала. Хотя он и не был таким крупным, как те, что я получила раньше, но кожица была мягкой, а мякоть — сладкой. Щедро наградив троих слуг и дождавшись, пока они уйдут, я уселась на ложе и, держа корзину в руках, продолжила есть. Не успела я съесть и нескольких штук, как заметила внутри небольшой круглый ящичек, сплетённый из ивовых прутьев. В нём лежал аккуратно сложенный листок бумаги. Развернув, я узнала почерк А-Хуань. Она наказывала мне съедать по полкорзины персидских фиников в день, пить больше бульона с перцем и без нужды не выходить из дома.

Прочитав, я поняла её замысел. В прошлом месяце у меня были сбои, и когда наступили дни, живот болел пару суток. Сама я не придавала этому значения, а она запомнила. Теперь, когда время снова подошло, она специально прислала две корзины фиников — не столько в подарок, сколько в напоминание. Беспокоилась, но прямо сказать не смогла, вывернувшись целым ритуалом. Непонятно, у кого она переняла эту дурную привычку.

Со здоровьем у меня всё всегда было в порядке, поэтому в душе я посмеялась над её чрезмерной осторожностью. Однако пренебрегать такой заботой не стала: вышла и велела слугам в ближайшие дни держать наготове персидские финики и бараний бульон. Вернувшись, внимательно изучила присланный ею список подарков. Там были серебряный ароматический мешочек, шарики от комаров, стираковая смола, флакончики для глазных капель, украшения в виде удода, дягиль, мёд тамариска, а также различные ткани — конопляные, хлопковые, шёлковые, — и бумага разных сортов: из коры тутового дерева, из сосновой коры. И ещё одна вещь — ширма.

Я велела принести подарки А-Хуань и осмотрела их. Всё было хорошо, но ширма оказалась особенно изысканной. Высотой не более чи, цельная, без разделения на створки, она была вырезана из превосходного сандалового дерева, с инкрустацией в виде цветков по четырём углам. На одной стороне была вырезана сцена детской игры в цуцзюй, на другой — вставлена шёлковая картина с дамой на качелях. Девушка на качелях была изящна, с тонкими чертами лица, светлой кожей и стройным станом. Мужчина, что её раскачивал, выглядел худощавым, с жилистыми руками и слегка желтоватым лицом. Оба показались мне до боли знакомыми. Присмотревшись, я вспомнила: это же копия с той картины-«забавы», что матушка велела написать художникам из Историографического управления в День двойной девятки!

Тогда матушка созвала всех дочерей и невесток семейства У, вместе с женой Ли Биня, А-Хуань и мной, чтобы мы резвились в саду, а художники запечатлели момент. Мне было не по душе такое скопление народа, и я уединилась, качаясь на качелях. А-Хуань подошла поговорить со мной, пару раз подтолкнула качели — и этот миг художник уловил, поместив нас в правый угол свитка. Ширма же воспроизводила именно этот фрагмент. Вот такая она, моя А-Хуань: до мелочей внимательная, редко говорит нежные слова, но каждым поступком согревает душу.

Я с удовольствием велела убрать подарки, оставив себе только две корзины фиников. Настроение поднялось настолько, что даже скучные документы стали казаться менее утомительными. Немного посидев над бумагами, я и не заметила, как настал полдень. Пообедав, увидела, как в дверях мелькнуло лицо Фэн Шилияна. Старик выглядел озабоченным. Я подозвала его, и он, войдя, привёл двух юных евнухов, которых я ранее отправила с поручением.

— Госпожа, — начал он, — те, кого мы послали в квартал Сыгун, доложили: супруг проживает на северной улице, в самом восточном доме. Вместе с ним, помимо старухи Чжу, обитает её дочь, Чжу Мяозэр.

Сперва я не поняла.

— Вы пригласили его вернуться? — спросила я.

Но, взглянув на странное выражение лица Фэн Шиляна, засомневалась.

Он придвинулся ближе и понизил голос:

— Чжу Мяоэр... это его наложница.

Моё лицо, наверное, тоже выразило недоумение.

— Вы всё тщательно проверили? Не сплетни ли это?

Фэн Шилян взглянул на евнухов. Один из них опустился на колени и отчеканил:

— Мы тоже опасались ошибиться, потому опросили всю округу. На той улице несколько женщин содержат музыканток, называют их дочерьми, но на деле это бордели. Мы расспросили соседей, и те подтвердили: супруг живёт там уже несколько месяцев. Иногда приходит раз в три дня, иногда — в пять. Сначала задерживался лишь на ночь, потом стал оставаться на два-три дня. Последние же десять дней и вовсе не покидал дом Чжу. Когда является, его сопровождают всего двое-трое слуг, в синем и белом, чтобы не привлекать внимания. Однако он сам — статен и видом пригож, да и тратит щедро, потому соседи запомнили его хорошо. Мы также навели справки о Чжу Мяоэр. Её приёмная мать — зарегистрированная музыкантка Левого Цзяофана в Лояне, из-за старости и немощи освобождённая от службы. У неё три приёмные дочери, Чжу Мяоэр — старшая, лет пятнадцати-шестнадцати. Лично мы её не видели, но соседи рассказывают, кожа белая, очень, а поёт так, что заслушаешься.

Юнец оказался расторопным, доложил ясно. Я перевела взгляд на Фэн Шиляна. Тот тут же склонился вперёд:

— Старый слуга возьмёт людей, схватит всё семейство Чжу и представит на суд в управление уезда Лоян?

Хотя новость стала неожиданностью, в ней не было ничего удивительного. Да и поскольку сердце моё принадлежало А-Хуань, я не ощутила особой злости. Подумав, я сказала Фэн Шилян:

— Пошли кого-нибудь туда и передай супругу: дома неотложные дела, должен вернуться. Только без шума, не привлекай внимания соседей.

Помолчав, добавила:

— Это частное дело семьи. Никто не должен знать. Особенно матушка.

Фэн Шилян выглядел явно недовольным. Я вспомнила, что Лю Хоудэ специально упоминал Чжэн Бо, и велела позвать его. Смотритель залов, похоже, только этого и ждал: явился почти мгновенно. Вошёл он с невозмутимым видом — не как управляющий принцессы седьмого младшего ранга, а словно один из восьми высших сановников при дворе. Увидев эту напускную важность, я почувствовала лёгкую головную боль. Не стала церемониться и сказала прямо:

— О том, что супруг завёл наложницу, я уже знаю. Благодарю тебя, Лю, за сообщение. Но между господином и слугой не должно быть таких околичностей. Впредь, если что случится, говори прямо.

Лю Хоудэ улыбнулся и отвесил церемонный поклон:

— Ваш слуга — управляющий дома принцессы. Во всём буду следовать указаниям госпожи.

Он с особой силой произнёс «управляющий дома принцессы», словно боялся, что я усомнюсь в его преданности. Теперь-то я понимала его расчёт: при первой встрече он хотел испытать мой ум. Будь я простодушной невеждой, которой можно помыкать, или будь мой супруг умен и влиятелен, он вёл бы себя иначе. А раз он открыто признал себя «управляющим дома принцессы», значит, признал и меня хозяйкой. Вот только насколько искренна эта преданность и как долго продлится?

В наше время люди меркантильны, особенно среди чиновников. Омерзительная черта. Но я родилась в императорской семье, в самом центре водоворота славы и выгоды. Сколько ни презирай это, приходится смиряться. Я сдержанно кивнула:

— Лю хорошо разбирается в делах и глубоко постиг правила. Ты — подлинно талантливый помощник. Впредь в управлении внешними делами дома буду полагаться на тебя.

В моих глазах Лю Хоудэ был такого же поля ягодой, как и Фэн Шилян: оба — ловкие приспособленцы. Разница лишь в том, что Лю Хоудэ лучше знал бюрократические порядки, дольше служил в областях и уездах, а потому действовал тоньше. Стоило мне упомянуть, что не хочу огласки, как Фэн Шилян начал суетиться, будто его лично оскорбили. Лю Хоудэ же лишь понимающе улыбнулся и намёком дал понять: за последние двадцать лет в государстве была лишь одна принцесса — я, и всё, что происходит в моём доме, привлекает всеобщее внимание. Дело с наложницей Чжэн Бо так или иначе станет известно. Поэтому лучше открыто обратиться в управление уезда Лоян и обвинить семейство Чжу в обмане супруга и вымогательстве денег. Это не только легко выгородит Чжэн Бо, но и заткнёт рты злословам. Он полагал, что я лишь беспокоюсь о репутации, но в душе киплю от гнева, и потому добавил: хотя преступления семейства Чжу и не караются смертью, в судебных палатах есть свои методы. Стоит ему лишь передать от моего имени слово в управление уезда, и Чжу Мяоэр со старухой матери можно будет забить палками насмерть — дело нехитрое. Если же и этого покажется мало, можно всю семью приговорить к палочным ударам и ссылке, а потом по пути этапа дать знать областным и уездным властям, чтобы те «хорошенько позаботились» о них. Пройдёт несколько месяцев — и на свете не останется и следа от этого семейства.

Моё изначально невысокое мнение о Лю Хоудэ после этих слов стало ещё хуже. Он мне откровенно опостылел. Я уклончиво обошла его предложение:

— Сначала пусть вернётся.

А затем дала ему понять:

— Сейчас главное — это подготовка к визиту Шэнжэня и наведение порядка в доме. В этих двух делах я буду полагаться на твои старания.

<http://bllate.org/book/16278/1467140>